

Аркадий АВЕРЧЕНКО

Карьера певицы Дусиной

В провинциальных шантанах¹ в первом отделении выпускают иногда певицу — какую-нибудь Дусину, или Верину, или Люсю Светозарскую. Она, что называется, девушка не первый сорт; и даже не второй сорт; она, что называется, девушка третий сорт.

Все у неё как-то неладно: платье сделано из очень подозрительной материи, сидит криво, косо, чулки заштопаны довольно заметно, каблуки туфель покривились, лицо обсыпано пудрой не совсем там, где это нужно, кисти рук красные, а уши украшены тусклыми, без блеска, как глаза мертвеца, бриллиантами, — такой величины, что у зрителя является подозрение: не ограбила ли она какую-нибудь хрустальную люстру в отдельном кабинете?

Пластика ее и жестикуляция очень просты: она или махнет рукой около подбородка, или приподнимет платье, щегольнув при этом случае тощей ногой, или просто поглядит в потолок, сделав три шага в сторону с самым деловым видом и в полном несоответствии с исполняемым куплетом.

И куплеты она поет какие-то третьесортные, сочиненные каким-нибудь пропившимся гобоистом или племянником буфетчика.

В них говорится:

«Мне мама говорила: Ты бойся всех мужчин, Пусть красавец или рыло, Но все ж осторегаться есть тьма причин. Я маму не послушала, В кабинете со старичком кушала, И он оказался шалун, Взял у меня поцелуй».

Между двумя подобными безотрадными куплетами — шаг налево, два назад и внимательный взгляд в потолок; вздох; нерешительное поднятие платья — и под гробовое молчание обескураженной, фраппированной публики бредет Дусина, Верина или Светозарская за кулисы.

Зачем она здесь? Почему она ушла из кухни, прихожей или детской, где её красные руки никого не приводили в веселое настроение, а кривые каблуки старых барыниных ботинок как будто срослись с ней, не внося фальшивой ноты в общий антураж затрапанного платьица и гранатовых сережек...

Сманил ее в свое время какой-нибудь щеголь, врун, говорун, блестящий вояка писарского типа — и пошла Глаша Шестипалая в Верины, Дусины и Светозарских.

И вот уже хочется ей, чтобы у неё все было, как у других «классных» певиц, — и бриллианты, и наряды, и лихой, пикантный вид... И ничего ей, бедняжке, не удается в этом смысле: обвшана она бриллиантами, но фальшивыми; затянута в корсет, но предательский перелом на лопатках говорит, кричит на весь свет, что цена корсету три рубля; духи у неё дешевые, благоухающие какой-то кислятиной, с примесью мятных капель, и душится она этими духами странно: по немытой шее размазана какая-то географическая карта, в некоторых местах запорошенная для привлечения мужчин, не то рисовой пудрой, не то детской присыпкой...

И, таким образом разукрашенная, поет она:

«С старишкою знакомство я свела И шинпанское в кабинете с ним пила. А он оказался шалун, Сорвал с мине поцелуй».

Поет и думает: «Ну, вот — и я не хуже других».

* * *

Сейчас такую Верину, Дусину или Нюю Огонек чрезвычайно напоминает Турция.

Действительно: жила девушка на черной половине и горя не знала... Если ее не особенно уважали, так зато над ней и не смеялись:

— Известно, Турция. Что с неё возьмешь!

И вот познакомилась эта затрапанная девушка с Вильгельмом² — говоруном, лихачом и воякой. Черт его знает, чем он ее обольстил, но только нет уже прежней девушки. Вместо неё вылезла на свет Божий Верина, Дусина, Катя Ойра, в неискусно заштопанных чулках, с грязной шеей, до обморока надушенная дешевыми немецкими духами. И ясно написано на ея голодном, напудренном лице:

— И я не хуже других. И я, как любая шикарная француженка или американка, щеголяющая в чудесных, как мечта, туалетах от Пакена³, в тысячных, как солнце горящих, бриллиантах!.. И мы тоже не лыком шиты.

Бедная, обманутая, поглупевшая Турция. Именно, лыком она шита, и лыко её отовсюду торчит, как морская трава из старого тюфяка.

* * *

— Надо будет, — решило недавно турецкое правительство, — бумажные деньги выпустить⁴. Что ж, другие державы выпускают — почему же нам не выпустить. И мы не хуже других.

Что это были за бумажные деньги и какое к ним было отношение — рассказывают заграничные корреспонденты: турки просто не принимали этих бумажек.

Каковы были торговые сделки и обороты при помощи этих денег — легко себе представить.

Заходит в лавку к кому-нибудь Мустафе покупатель и спрашивает:

- Есть кальян с насечкой?⁵
- Есть.
- Покажи.
- А вот. — Хороший кальян. Купите.
- Сколько стоит?
- Сорок пиастров⁶.
- Ладно. Получай деньги.

Мустафа упаковывает кальян, а покупатель выкладывает на прилавок четыре бумажки, искоса поглядывая на Мустафу.

— Это что такое? — спрашивает изумленный Мустафа.
— Деньги.
— Эти бумажки?
— Ну-да. Государственного казначейства⁷.
— Да ведь это бумажки?
— Ну-да. По закону, кто откажется принять их, того заключают в тюрьму.

- Да ведь я тебе кальян не бумажный продаю?
- Поговори мне еще. Сейчас заявлю, куда надо.

Мустафа задумывается. Потом поднимает голову.

- Вам, собственно, что угодно?
- Да кальян же, чудак.
- Кальян? Да у меня нет кальянов.
- А этот? Который ты завернул?

— Осел я! Разиня! Совсем и забыл, что я этот кальян давеча Сулейману продал! Вот бы история была! Нет, извините, эффенди⁸, кальянов нет.

Покупатель со вздохом забирает свои бумажки и бредет дальше, солнцем палимый.

В другом магазине его прямо спрашивают: бумажками он будет платить или золотом?

- А разве не все равно? — угрюмо спрашивает покупатель.
 - Конечно, все равно. Бумажки-то еще лучше не рвут карманов.
- Так чем же заплатите?
- Бумажками.

— Это хорошо. А вам что нужно? Кальяны? Как раз нет кальянов, не держим. Что? Те, что стоят на полках? Эти для себя. Ковры? и ковров не держим. Что? Те, что на полках? Тут всего двести штук. Для моли держим. Моль коврами кормим. Детей, знаете, нет, так мы моль завели. Все-таки вроде как птица. Имею честь кланяться. Иншаллах!⁹

Таково турецкое бумажное обращение; таковы нынче турецкая торговля и промышленность.

Слышали турки, что в других странах правительство выпускает кредитки — дай, думают, и мы выпустим¹⁰.

Выпустили.

* * *

После кредиток турецкая Дусина захотела, иметь еще более удивительную, чисто европейскую вещь: своего представителя при Папском дворе в Ватикане.

Можно себе представить удивление всего конclave¹¹:

- Что вам угодно?
- Турок я.
- Бывает. Бог простит. А что нужно-то?
- А хотим мы своего представителя иметь при вашем Ватикане.
- Так-с. Турецкого?
- Да.
- Представителя?
- Именно.
- Для чего же это вам?
- Да так, знаете... У других государств есть представители, а у Турции нет.

- Да зачем же вам?! Отдаете вы себе отчет?
- Ну, все-таки... Как-никак, представитель.
- Что он будет у нас делать?!
- А что другие делают, то и он будет.
- Они христиане, поймите вы.

Турок обиделся.

- Так-с. А мы, значит, уже и не люди, да?
- Вы тоже люди, но ведь вы мусульмане.

Вздохнет бедная, глупая Верина или Дусина и, дрыгнув ногой, убежит под общее молчаливое изумление за кулисы.

Бедняга... Слышала эта Дусина, что от других стран есть представители при Папском дворе — дай, думает — и я.

* * *

Есть у Вериной бриллианты, но они стеклянные; затянута Дусина в корсет, как и прочие, но корсет сделан из старых железных обручей.

Захотела недавно Турция высадить недалеко от Одессы десант... ¹²

Грозная вещь — десант. Жутью веет от этого слова... Горе неприятелю! Страшно той стране, на побережье которой высаживалось враждебное войско.

Высадили турки десант. Знаете, сколько?

23 человека.

Бедная Дусина...

Не хотел бы автор этих строк быть в числе высаженных двадцати трех человек...

Отлогий пустынный берег. Пыхтя и кряхтя, пристало маленькое утлое паровое суденышко к берегу.

Капитан свистнул в какую-то дудку, наклонился с мостика и сказал полуиронически, полупокровительно:

— Ну, вы, десант! Приехали. Вылезайте!

— Уже Россия? — уныло спросил начальник десанта, карабкаясь по узкой заплеванной лесенке.

— Россия. Вся тут, как на ладони. Голыми руками забирай.

Вышли на берег. Холодно... Морозный туман еще не рассеялся. Поежились.

— Ну, что теперь делать-то?

— Я думаю, вглубь страны отправиться. Пошли...

Встретились какие-то мужики. Обступили турок; долго и внимательно их разглядывали.

— Не наши кабыдто...

— Жукастые; носачи все. Не то турки, не то армяны. Айда, Митрий, неча тут зря топтаться.

Печально бредет десант «вглубь страны». Растворился какой-то погребальной процессией. Куда идти? Что делать? Неизвестно.

На счастье этих двадцати трех горемык встретился им разъезд стражников.

— Кто такие будете?

— Турки.

— Как попали сюда?

— Да десант мы. Высадились.

— Зачем?

— Этого... Ну, как, вообще, полагается. Воюем мы с вами.

— Ну?

— Вот и высажились на вашу территорию. Тут, на бережку. Десант мы.

— Ну?!

— Понимаете? — для оккупации приехали. Вторглись в вашу страну. Морской десант. Хи-хи.

— Черт вас тут разберет. Спьяну, что ли?

— Нет, нам нельзя. Непьющие мы.

— Так что делать-то будете? На заработки?

Положение создалось тяжелое, невыносимое... Грозный десант, внушительная демонстрация воюющей державы — все это разбилось об недоумение стражников.

И очутился бедный десант в простой русской полицейской кордегардии...¹³

Была Турция скромной диковатой девушкой, ходила в затрапезном платьице — и если ее никто особенно не уважал, то и не смеялись над ней....

А теперь, когда поступила Турция в шансонетные певицы — так это все смешно, что и сказать нельзя.

